

Навстречу
Четвертому съезду
советских писателей

Предсъездовская Т Р И Б У Н А

Писатели о критике

Потовясь к Четвертому съезду советских писателей, наш журнал под рубрикой «Предсъездовская трибуна» опубликовал ряд статей о современной литературе, коллективные обзоры прозы, поэзии и драматургии 1965 года, а также, пользуясь ставшей традиционной формой анкеты, предоставил слово писателям, высказавшим соображения о состоянии советской литературы, о задачах предстоящего съезда. В этом номере публикуется анкета, посвященная литературной критике.

Редакция обратилась к ряду писателей с просьбой высказать свои мысли о критике, в частности ответить на следующие вопросы:

1. В чем, по Вашему мнению, заключаются задачи современной критики? Что Вы думаете о проблеме «литература — критика — жизнь»? Какой критический жанр (рецензия, проблемная статья, монография) представляется Вам наиболее действенным, наиболее отвечающим задачам критики? Какие традиции классической и советской критики кажутся Вам сегодня плодотворными?

2. Как, по Вашему мнению, обстоят сегодня дела в критике? Что нового появилось в ней за последние годы? Что мешает ее развитию? Как практически решается нашей критикой проблема проверки литературного произведения жизнью? Какие здесь есть достижения и просчеты?

3. Какие критические выступления последних двух-трех лет представляются Вам самыми примечательными и почему? Читае-

те ли Вы книги критиков и литературоведов? Какие из них Вам запомнились и произвели наибольшее впечатление?

4. Оказывает ли критика какое-либо воздействие на Вашу собственную творческую работу? В чем выражается практическая помощь критики лично Вам и в узком (критические отзывы о Вашем творчестве), и в более широком, общем смысле? Были ли случаи, когда объективная, доброжелательная, требовательная критика отмечала в Ваших произведениях то, чего Вы сами в них не замечали?

И вот ответы получены. Они интересны и даже кое в чем неожиданны. Но почти для всех ответов характерен спокойный, доброжелательный, деловой тон. «Критиков у нас принято ругать... Мне не хотелось бы повторять много раз слышанное», — пишет С. Крутилин. «Нет охоты повторять... дежурные упреки»: «не отразила, не заметила и т. д.», — соглашается Л. Татьяничева.

Разумеется, это вовсе не значит, что все претензии к критике исчезли, и хотя основной тон всей анкеты — это признание растущей роли критики, упреки в ее адрес по-прежнему серьезны и основательны. И если некоторые суровые оценки общего состояния критики (например, у И. Друцэ, Ю. Ванана, В. Липатова) представляются излишне категоричными, то со многими конкретными замечаниями этих и других писателей трудно не согласиться.

Общий дух высказанных требований совпадает с тем, что говорилось на XIII съезде КПСС: критика должна быть боевой, партийной, объективной, должна избавиться от пассивности, предвзятости, групповщины.

Писатели, отвечающие на анкету, единодушны в мнении, что критика должна перестать быть узколитературным, «ведомственным» делом. Несмотря на то, что О. Вацетис и Ю. Трифонов прибегают к противоположным сравнениям (для Ю. Трифонова критик — человек «в лодке», а для О. Вацетиса — «человек за бортом»), все же ясно, что требования обоих писателей к критике, в сущности, одинаковы.

Проблема «литература — критика — жизнь» не так проста, как определяет Ю. Трифонов, и задачи критики отнюдь не сводятся к тому, чтобы, как он считает, лишь «наблюдать» за тем, насколько тесно связана литература с жизнью, или «давать советы». Дело также не в том, что критики, как упрекает их В. Липатов, не ездят в «творческие командировки». Верный подход к проблеме заключается именно в признании того, что критик должен быть *активным участником* жизни, следовательно, обладать ее глубоким знанием и ясным пониманием, стоять на продуманных и четких позициях, активно бороться за идеалы коммунизма. Он должен быть, таким образом, не просто «специалистом», разбирающимся в тон-

костях литературного ремесла, не узким профессионалом, а *писателем* во всем высоком общественном значении слова. С этой точки зрения нельзя не согласиться с теми авторами, которые утверждают: «критик — это художник» (Е. Винокуров), «критик — это тот же писатель» (Н. Джусойты), «критик интересен только тогда, когда он по-настоящему талантлив, когда он смотрит на жизнь и на литературу взглядом художника и мыслителя» (В. Кожевников). Только такой критик-писатель — талантливый, обладающий тонким эстетическим чутьем и богатым духовным миром, рассматривающий жизнь и литературу с позиций коммунистического мировоззрения, — может по-настоящему «выполнять свой долг перед обществом» (Н. Коржавин), может быть «критиком-мыслителем», а не «критиком-инспектором» (Н. Джусойты), может оказывать «действенное... партийное влияние на литературный процесс» (И. Стаднюк). Не случайно часто повторяется в ответах мысль о необходимости исследовать произведение в единстве формы и содержания, бороться со схематизмом, с групповыми пристрастиями, делать разговор о литературе одновременно и разговором о жизни. Мысль эта тесно связана с требованием партийной объективности в оценках и партийной страстности в борьбе за наши идеалы, за художественное совершенство произведений социалистического реализма, против наших идеологических противников.

То же требование выражается и в другой мысли, часто встречающейся в ответах писателей на анкету. Речь идет о *проблемности* критического выступления; об этом говорится и у В. Аксенова, и у Ю. Ванага, и у И. Муратова, и у П. Севака, и у Д. Самойлова, и у Л. Татьянической... Интерес к проблемности вообще и к проблемным статьям в частности — знаменательное явление: оно свидетельствует и о росте авторитета критики среди художников, и о том, что спрос с нее стал соответственно больше, и о том, наконец, что сами художники остро ощущают потребность в широком обобщении своей работы.

Нельзя не отметить, что многие писатели восполнили в своих ответах весьма существенный пробел нашей анкеты, заговорив о неотъемлемом участнике литературного процесса — о читателе. Эта тема возникла как важнейшее звено в разговоре о связи критики с жизнью. Правда, не со всеми утверждениями можно согласиться: вряд ли, например, оправдано то резкое противопоставление, которое делает Н. Коржавин, говоря, что «критик пишет в первую очередь для читателя, а не для того, чтоб воспитывать писателя». Конечно, неправильно считать критика неким «наставником» писателей, но то, что критика в целом призвана быть «духовным помощником», «другом», «учителем» писателей (М. Ибрагимов), — бесспорно, если, разумеется, критика заслужила это право. Об этом свидетельствуют лучшие традиции классической и советской критики, о которых говорится во многих ответах.

Многое в анкете весьма субъективно, например выделение тех или иных критиков как наиболее симпатичных для авторов. Впро-

чем, круг симпатий и антипатий писателей тоже может дать любопытный материал для объективного изучения.

И вообще, несмотря на некоторые спорные, явно субъективные мнения, высказанные в ответах, анкета «Писатели о критике» содержит материал, интересный для широкого осмысления современного литературного процесса, которое, надо надеяться, займет главное место на предстоящем Четвертом съезде советских писателей.

Чингиз АЙТМАТОВ

Мне как автору было бы грешно предъявлять какие-либо личные претензии к критике даже в тех случаях, когда статьи по поводу тех или иных моих повестей и рассказов не отличались особой глубиной и оригинальностью суждений.

Напротив, пользуясь случаем, от души хочу поблагодарить братьев-критиков за их постоянное внимание и доброжелательность, а главное, за те ценные мысли, советы и замечания, которые помогают мне работать, глубже познавать природу творчества и сложные связи между обществом и писателем. Не знаю, как другие, но лично я многим обязан именно критике. Что скрывать, хорошая, умная критика подчас способна окрылять человека!

Но дальше мне хотелось бы высказаться в качестве читателя по некоторым проблемам критики, которые кажутся мне очень важными. В нашей критике есть еще много такого, о чем трудно говорить спокойно. В первую очередь это касается литературы народов СССР. Здесь еще активно дают о себе знать догматические тенденции. Есть люди, которые не замечают изменений, происшедших в жизни, придерживаются старых, косных мерок и тем самым замедляют развитие национальной культуры. Догматизм же, помноженный на провинциализм,— это уже зло, с которым надо бороться с открытым забралом. Все это ведет не только к сковыванию художественной мысли, но и к заниженным критериям в оценке достоинств литературных произведений, к оправданию упрощенного, примитивного изображения действительности. Ссылаются при этом на традиции, на вкусы читателей и очень часто таким образом амнистируют даже откровенно халтурные вещи.

Сейчас, когда идет интенсивное развитие многонациональной советской литературы путем все усиливающихся взаимосвязей, взаимообогащения, литературный факт нельзя рассматривать лишь с точки зрения традиций данной литературы. Настала пора оценивать факт любой литературы с высоты достижений современного искусства, с высоты лучших достижений социалистического реализма. Только таким образом можно продвигаться вперед.

Борьба с отжившими тенденциями, на мой взгляд, должна стать одной из главных задач современной критики. Ведь ничем,

никакими высокими соображениями нельзя оправдать серые, беспомощные произведения, авторы которых спекулируют на актуальности.

Я не собираюсь утверждать, что наши критики помалкивают, видя все это, не выступают против проявлений вульгарно-социологической и догматической критики. Появляются иногда интересные, боевые статьи на эту тему. Однако здесь требуются усилия многих, очень многих — и писателей, и критиков, и вообще всей творческой интеллигенции.

По-моему, стоит обратить внимание также на то, что писатели нередко занимаются взаимовосхвалением в критических статьях. Это касается литераторов, которые переводят произведения друг друга на свои родные языки. Если сами по себе вещи достойные, это еще полбеда, но зачастую случается как раз наоборот: самые посредственные книги выдаются за талантливые без всякого зазрения совести.

Все эти явления мешают нормальному развитию нашей литературной критики, отвлекают ее внимание от важных, главных тем, подрывают в глазах читателя ее авторитет.

Художественная практика и литературная критика по существу представляют собой двуединый процесс — одно без другого не может нормально развиваться. Подлинный расцвет литературы, совершенствование мастерства предполагают диалектическое единство этих двух начал, предполагают сообщество зрелых литераторов, мыслителей и художников, способных глубоко любить искусство, жизнь, народ, способных вдохновенно творить и бороться против беспринципности, против серости в искусстве. Этому и должна содействовать, по-моему, литературная критика.

г. Фрунзе

Василий АКСЕНОВ

Наиболее действенным жанром современной критики мне представляется жанр проблемной статьи, ибо рецензии часто выглядят на газетных и журнальных страницах как «дежурное блюдо» и пишутся порой по стандарту, а монографии, к сожалению, мало читаются. В жанре проблемной статьи критику легче выразить свое «я», без чего в современной литературе критику делать нечего.

Привычная писательская ирония по отношению к критике уже несколько навязла в зубах прежде всего потому, что у нас сейчас есть хорошие критики, интересные именно своим «я». Конечно, имеется немало критиков, упорно жующих привычные банальности, но от иронии в их адрес я, например, уже устал.

Как практически решается нашей критикой проблема поверки литературного произведения жизнью? На этот вопрос ответить очень трудно. Может быть, дело обстоит так. Хороший критик является участником жизни, плохой — не является совсем или явля-

ется только в бытовом, кухонном, магазинном, приходе-расходном плане.

Хороший критик выражает к произведению свое личное, как участника жизни, отношение; «неучастник» же первым делом подгоняет произведение под готовую схему, смотрит, какие места «совпадают», какие «выпирают».

Самое слабое место нашей современной критики, на мой взгляд, — анализ литературного произведения как произведения художественного. Я более или менее слежу за критическими отделами толстых журналов и могу твердо сказать, что за последние годы мне ни разу не встречалась статья, где всерьез и глубоко разбирались бы проблемы языка, композиции, стиля, формы современных прозаических, поэтических или драматургических произведений. Вот именно этого я и жду сейчас от критики, хотя и не думаю отрицать всей важности социологического анализа.

Альгимантас БАЛТАКИС

Я никогда не был и не буду согласен с теми писателями, которые критику воспринимают как жанр паразитирующий, как изживенца «чистой» литературы. И если не всегда нас удовлетворяет уровень критики, то ведь то же самое можно сказать и о произведениях других жанров. Тем не менее у критика есть то превосходство, что он и о слабой, неудачной книге может написать сильную, интересную статью. Увы, наша критика не всегда пользуется этим жанровым преимуществом...

Трудно коротко охарактеризовать задачи современной критики. Кажется, главная ее задача — постичь основные тенденции развития современной литературы и, исходя из этого, рассматривать то или другое произведение. Критика должна быть более деловой и принципиальной, выражающей интересы всей литературы, а не отдельных групп писателей. Сплошной панегирик, как и априорно-негативный тон, все еще имеющие место в критике, не приносят пользы ни литераторам, ни читателям.

Проблема «литература — критика — жизнь», безусловно, важна. Но, кажется, полезнее для нас вначале решить более простую проблему: «литература — критика — читатель». Если прозаик или поэт, прежде чем начать первую строку нового произведения, старается собрать как можно больше жизненного материала, извлечь из него важнейшие факты и осмыслить их, то критик, по-моему, давая оценку той или иной книге, должен хорошо изучить и резонанс, который вызывает она среди читателей. Для критика читатель должен стать таким же объектом исследования, каким для писателя является жизненный материал. Мы по-настоящему не изучаем реального резонанса, который вызывает та или иная книга, поэтому часто и автор произведения, и автор критической статьи попадают в курьезное положение.

У формулы «литература — критика — читатель» есть еще и то преимущество, что она четко определяет задачу критики как посредника между литературой и читателем. Причиной некоторых недоразумений, возникающих между писателями и критиками, как раз и является тот факт, что бывают критические статьи, рассчитанные не на многотысячного читателя, а единственно на автора. Я не хочу этим сказать, что каждый писатель сам по себе настолько умен, что не нуждается ни в каких советах. Но и ведя разговор с читателем, эту педагогическую миссию критик может выполнить не менее успешно.

Критика обязана активно участвовать в обсуждении новейших литературных фактов, не ожидая, пока выявится «общепринятое» мнение, стихнут страсти. Ведь статья о книге, которая появилась год назад, звучит совсем иначе, чем статья о книге, которая в данный момент у читателя в руках. С другой стороны, наша критика, особенно в «толстых» журналах, должна давать статьи, посвященные коренным вопросам литературной истории и теории.

Нельзя считать нормальным положение в нашей литературной науке. Наши литературоведы все еще очень большую часть своей энергии тратят на обоснование положений, всем известных, а не на творческое развитие эстетической мысли. Ведь само понятие социалистического реализма развивается соответственно живой литературной практике. Задача литературоведов и критиков не в канонизации застывших догм, а в раскрытии тех новых явлений, которые и определяют силу и жизненность передового искусства как в нашей стране, так и во всем мире.

Развитию нашей эстетической мысли мешает и плохая «служба информации». Мы мало знаем о том, как развивается критика и эстетика в братских союзных республиках, в социалистических странах, в мировом масштабе. Очень плохо поставлено у нас и библиографическое дело.

г. Вильнюс

Юлий ВАНАГ

В чем заключаются задачи критики?

Я не теоретик и не берусь ответить на такой сложный вопрос, но мне кажется, что наша современная критика больше занята междоусобной войной, нежели бережной прополкой литературного поля, а также одной из самых главных своих задач — борьбой с нашими зарубежными противниками на идеологическом фронте и их влиянием.

Если говорить о жанрах критики, то одним из самых оперативных, а следовательно и действенных, надо признать рецензию. Она должна быть эстетически грамотной и, конечно, объективной. Недаром еще по сей день приходится напоминать некоторым

слишком рьяным критикам о вреде «дубинки», а дубинка ведь очень «действенное» оружие... И чаще всего употребляется именно в рецензии.

Однако жанром, в наибольшей степени отвечающим задачам критики, мне представляется проблемная статья, дискуссионные выступления по проблемным вопросам. Что касается монографии, это, я думаю, уже область, более близкая к литературоведению. Но и этот жанр должен быть очищен от всего наносного, диктуемого внелитературными соображениями, от узких субъективистских оценок.

Самой плодотворной традицией классической и советской критики я считаю высокую принципиальность, идейную непримиримость. В развитии этой традиции в наши дни большая заслуга журнала «Иностранная литература», который всегда читаю с удовольствием.

Как обстоят дела в критике сегодня?

Кажется, в общем, неплохо, если всерьез покончить с междоусобной войной, о которой упоминалось выше.

Для иллюстрации вспомним хотя бы случай из жизни нашей, латышской, критики. Своего апогея подобная «война» между отдельными критиками достигла на последнем съезде писателей республики, когда оценки литературных явлений использовались уже не по прямому назначению, для воздействия на литературный процесс, а как оружие для того, чтобы выбить из седла своего «соперника» по критическому перу...

Надо ли говорить, что такие «дискуссии» не помогают развитию литературы.

г. Рига

Ояр ВАЦИЕТИС

Оговорюсь, что эти ответы — в большинстве общие соображения — относятся главным образом к латышской советской критике, но, думается, кое в чем не только к латышской.

1. В первую очередь — превратиться из постороннего наблюдателя и комментатора событий в участника. Хотелось бы, чтобы формула «литература — критика — жизнь» и ее обратная связь — «жизнь — критика — литература» выразила и сущность, и направленность работы нашей критики, но этого, к сожалению, сказать нельзя. Прискорбно, но есть много случаев, когда в этой цепочке из-за недоброкачества, а порой и недобросовестности среднего звена критику выпадает незавидная роль человека за бортом. Нашей критике не хватает творческого духа и философской глубины, нередко она руководствуется утилитарными, кампанейскими

соображениями и даже порой прибегает к изрядной дозе демагогии. Разве может в таких случаях критика взять на себя собственно воспитательные функции? Она не только не поможет, но будет мешать в этом смысле литературе.

У нас очень еще много «целины», не вспаханной критикой. Вряд ли рецензия (из-за узости задач) или монография («эпика», «эпопея» критики) могут претендовать на звание жанра самого целесообразного. Проблемная статья представляется самой интересной, она сочетает элементы всех жанров критики.

2. Очевидно, еще сказывается инерция прошлого, оторванность литературной теории от практики,— наша критика не в силах осмыслить весь огромный литературный материал, порою она прямо-таки беспомощна в сложных проблемах и явлениях литературного процесса. Аналитический подход еще можно наблюдать в изучении литературного наследия и некоторых общих проблем, но ко всему, находящемуся в движении, в развитии, критика подходит с опаской. Не везде и не всегда нужно хирургическое вмешательство, но при вскрытии сущности явлений критику негоже царапать кожу скальпелем. Это выражается у нас, в частности, в противоречивых, необоснованных оценках того или иного произведения и всего творчества отдельных писателей, в конструировании и потом в собственноручном «ниспровержении» выдуманных теорий, в превознесении художественно неполноценных (в лучшем случае) произведений, в применении самодельных субъективных критериев и т. д.

В общем, это выражается в дискредитации некоторых принципов социалистического реализма (под флагом защиты его), в отрицании подлинного новаторства (опять же под флагом защиты) в угоду дилетантству и ремесленничеству.

Я не вижу всему этому ни одной оправдывающей причины, кроме нехватки гражданского мужества критика. Да и та неуважительна.

3. Статьи и выступления В. Шкловского, З. Паперного, Ст. Рассадина, Л. Аннинского, латышского критика В. Мелниса и поэта И. Аузиня, книга В. Солоухина «С лирических позиций». Конечно, не всякая мысль, высказанная этими авторами, мне кажется неоспоримой, но их взгляд на современную литературу, их подход к анализу ее процессов примечателен.

4. Оказывает. Иногда портит настроение.

Серьезно говоря, я этой конкретной помощи больше ожидаю, чем получил. Критика нашей поэзии, к сожалению, во многих случаях не в состоянии помочь ни читателю, ни писателю. Будем надеяться все же, что такие критики — талантливые, граждански активные, доброжелательные — у нас появятся.

Случай, когда критика отмечала в стихах то, чего не замечал сам? Были. К сожалению, отмечали. К счастью, то, чего не было.

Евгений ВИНОКУРОВ

172214

Критик — это художник, у которого сильно развита аналитическая сторона дарования. Критик — это художник, и вот эта простая истина в последнее время как-то позабыта, к сожалению, у нас. Подчас статьи того или иного критика написаны таким языком, сквозь который не продерешься к мысли; сухость, серость убивают статью, делают ее, из-за скуки, в ней разлитой, непригодной для чтения. И это не значит, что подобная статья содержит глубокие идеи, — этого в искусстве не бывает; глубокая, тонкая, новая мысль рождается вместе со вспышкой темперамента автора, рождается уже «в слове», уже воплощенной, сформулированной. Недаром писал в письмах Флобер, что самая точная фраза является в одно и то же время самой музыкальной. Вот этой музыкальности, необходимой для критической статьи, и не хватает, на мой взгляд, современной критике. У критика должна работать художественная интуиция, а не только рассудок, критик должен смелее включать свои творческие силы, так, чтобы статья была самостоятельным художественным произведением, а не мертвым комментарием к произведению другого. Анализируемое произведение должно быть, на мой взгляд, в значительной мере поводом для большого, серьезного, важного для нас разговора о жизни. Критик — это не только исследователь, но и художник, но и мыслитель, мыслитель, объектом размышлений которого является текущая литература. Мне бы хотелось читать сборник критических статей, как роман. Разбираемый материал должен быть исходной точкой для целого оригинального мира образов и идей критика.

Роль критики в связи с новым увлечением поэзией в последнее время необычайно, на мой взгляд, возрастает. Но подчас благодаря тому, что у некоторых читательских слоев не хватает вкуса, приобретают популярность авторы сомнительных по своим художественным достоинствам поэтических произведений. Что бы мы сказали, если бы часть публики стала увлекаться рыночными ковриками с лебедями и глиняными размалеванными кошечками? А в поэзии — это сплошь и рядом. Поэтические «глиняные кошечки» и «коврики» вдруг приобретают спрос. Недоуменно пожимают плечами люди, понимающие поэзию, а между тем волна восторга перед «рыночными» красотами растет. И здесь многое зависит от таланта критика, от его тонкости, от дара убеждения, от авторитетности его слова, — он призван расставить в поэзии ценности по своим местам.

Нафи ДЖУСОЙТЫ

1. В анкете предложено столько серьезных вопросов, что ответить на любой из них очень трудно.

Мне не хочется отвечать на вопросы, требующие оценочных ответов. Выступить в роли судьи критиков не желаю, да и при же-

лании не смог бы. И не потому, что не читаю их. Мне противна спесь некоторых писателей: «Я призван писать, а не читать!..» Я за давнюю, но верную горьковскую заповедь: писатель должен знать все, а если это невозможно, знать как можно больше. Кому-кому, а писателю хвастать неведением (чуть не сказал: невежеством) должно быть стыдно. Но для того, чтобы судить, мало одного выборочного чтения. Надо владеть, как говорят литературоведы, всем материалом: точно знать всю критическую литературу и художественный процесс во всесоюзном масштабе. Я не могу похвастаться такими знаниями, а писателей, судящих всю критику, и критиков, судящих всю литературу по приблизительным данным, и так предостаточно.

Критика наша ныне стала столь обширной и, вопреки пренебрежению иных писателей, столь важной частью всего литературного процесса, что трудно назвать писателя, который бы, подобно Максиму Горькому, единолично, со всесторонним знанием дела мог выступить в роли судьи нашей критической мысли.

2. И все же хочется сказать об одном требовании к нашей критике. Речь идет о проблеме, названной в анкете «литература — критика — жизнь» или «поверка литературного произведения жизнью».

Соотнести произведение с жизнью, в нем изображенной, воспроизведенной, утверждаемой или осуждаемой, — это, конечно, самая главная задача критика. Это — речь о содержательности, правдивости и значительности произведения. И, как правило, это в то же время самый главный узел противоречий или разногласий между писателем и критиком.

Взаимоотношения между литературой и критикой, писателем и критиком мне представляются так: жизнь — писатель, жизнь — критик, писатель — критик. Иначе говоря: жизнь — источник не только художественного, но и критического творчества. Критик, чьи суждения исходят только из литературы, то есть базируются на явлении вторичном, для меня не критик, а всего лишь эстетический комментатор, и то хромой на одну ногу. Критик, в моем представлении, — это тот же писатель, то есть тот же заинтересованный, пытливый и умный исследователь современной действительности, тот же боец за большую правду жизни, против несовершенства, неустроенности, безобразия и зла в ней.

И если подлинное произведение литературы мы считаем результатом художественного освоения действительности, то разве мы не должны и от критика ожидать и требовать столь же глубокого познания жизни? Ведь в противном случае критик и не в силах, и не в праве судить о жизненном содержании произведения.

Критик — тот же писатель, пока речь идет об исследовании действительности. Но он исследует и литературу — специфическую область, в которой он должен быть в идеале «выше» писателя. И именно потому, что само призвание требует от него не только большого гражданского мужества и таланта исследователя жизни

(это наравне с писателем), но и эстетической прозорливости, все-сторонней и глубокой осведомленности во всех сферах гуманистических знаний, критику не позволительно при проверке произведения жизнью оперировать стандартными формулами и расхожими представлениями о ней.

Художник в каждом новом произведении выносит на суд читателя результаты своего нового исследования жизни, *конкретной*, данной жизни или, вернее, какой-то малой доли ее, и он по праву считает, что эту малую конкретность он знает «лучше всех на свете». Без такой убежденности художник не вправе писать, но и критик неправомочен судить написанное, если не знает в деталях жизнь, изображенную в произведении.

В наш критический обиход прочно вошел своеобразный термин: мир художника. Писателю также хочется знать: каков он, мир критика? Каков круг его жизненных интересов, его гражданских и эстетических идеалов, какова его жизненная философия? Художник вправе сказать критику: раскрой свою душу живу, иначе ты не судья тому, во что я вложил свое сердце, свой разум, свои знания о жизни, добытые мною в долгих радостных и горестных встречах с ней.

Демонстрация эстетической грамотности и литературной начитанности не может создать неповторимой критической индивидуальности и не вводит нас в мир критика. Между тем не только в коротких рецензиях (там, видимо, это неизбежно), но и в больших обзорных и проблемных статьях, а порой и в монографиях, лишь изредка проглядывает мир критика. Мне кажется, двери в этот мир должны быть раскрыты настежь.

Критик-гражданин, критик-мыслитель, страстный исследователь жизни и художественной литературы — к такому не прислушается разве что спесивый графоман. Писатель будет чувствовать себя солдатом одной с ним разведгруппы. А критик — надменный судья, критик-инспектор только мешает писателю работать, доискиваться правды действительности.

3—4. Лично я дорожу больше всего двумя формами критических отзывов о моей работе. Мнением писателей-мастеров и реакцией читателей. И не только потому, что осетинская литературная критика пока не отличается ни зрелостью, ни высокой профессиональной квалификацией.

Мнение тех осетинских писателей, которых считаю мастерами своего дела, мне дорого потому, что верю ему, ибо знаю: как бы сурово ни судилось мое писание, за этим судом — большой опыт изучения жизни и искусства, долгие муки литературного труда.

Знаю и другое: жизнью они называют то же, что и я, — всю многоликую действительность, все многообразие человеческих отношений, нравственных и психологических проявлений, настроений, стремлений, идеалов и т. д. Они не упрощают, не вгоняют в схему, но и нарочито не усложняют жизнь, ибо знают ее в лицо, в повседневных больших и малых делах.

И, наконец, третье: они не требуют от меня ни одического, ни идиллического, ни злорадного отношения к действительности. Они хорошо знают по опыту, что подлинное искусство несовместимо ни с лестью, ни с хулой. Как в лести, так и в хуле (независимо от того, к кому они относятся — к отдельной личности, народу, стране, действительности) проявляется прежде всего корыстное субъективистское отношение самих льстецов и хулителей, а не объективные свойства действительности. Глубокое знание жизни может породить любовь или ненависть к определенным ее явлениям, но не хулу или лесть. Последние всегда исходят от субъекта, а не объекта художественного исследования.

Читательская реакция (а не суд) мне дорога потому, что именно читателю адресован весь мучительный труд, смысл жизни писателя.

Я далек от льстиво-подобострастного отношения к читателю. Уверен, что ни один из читателей не знает глубже самого писателя ни жизнь, которую тот исследовал, ни искусство, которого он преданный труженик и творец. И жду от читателя не поучений, — писать меня никто не научит, даже живой гений. Мне важна реакция читателя: понял и принял или нет?

Как там ни утешай себя, произведение, непонятое или понятое и непринятое, — самое горькое твое поражение. Оно мучительно, как молчание любимой, одной-единственной на всю жизнь, не понимающей или не принимающей твоих признаний. Но надо иметь мужество объективно судить о причинах его.

Конечно же, при всех случаях винить читателя бессмысленно. Если читатель не подготовлен, то и в этом (очень нередком) случае виноват писатель. Не он самолично, так его предшественники и современники.

Литература или отдельный писатель, не сумевшие создать читателя, должны принять на себя если не всю вину, то изрядную долю ее. Коста Хетагуров своим искусством победил неграмотную Осетию. Еще не издав ни одной строчки, он был широко известен не умеющей читать, но охотно прислушивавшейся к его слову Осетии. А если ныне более или менее подготовленный читатель порою не берет в руки ту или иную книгу, так разве в этом нет нашей вины?

Мне памятни слова Брюсова: «Чтобы написанное было просто, это должен сделать писатель; чтобы написанное было понятно, этого должен достичь читатель». Но можно написать просто о давно известном, не нуждающемся в исследовании. И это будет примитив, а не простота. Читатель останется равнодушным. Можно написать сложно о простом, элементарном, второстепенном. И читатель не станет трудиться над разгадкой элементарных вещей, скрывающихся за усложненной формой.

Видимо, искусство простоты в том, чтобы о сложном, важном, волнующем народ говорить просто, но не упрощая, не впадая в примитив. Тогда читатель поймет или постарается понять, если

даже сложно. Но наши сложные произведения зачастую напоминают пустой орех. У пустого ореха крепче скорлупа. А кому охота грызть такой, чтобы обнаружить пустоту?

г. Цхинвали

Ион ДРУЦЭ

Современная литературная критика в моем представлении — это девушка, которая приходит на свидание невпопад, вечно путая место и время встречи. Там, где от нее ждут четких и ясных определений, она великолепно, со знанием дела, отмалчивается, а по поводу ничем не примечательных явлений раздражается длиннейшими спорами, обнаруживая при этом не только блестящую эрудицию, но порой и чувство юмора.

Из всех литературных отрядов критика, на мой взгляд, наиболее спокойный, наиболее послушный, наиболее ручной, что ли, и в этом ее несчастье. Иметь свое творческое лицо, стремиться оставаться при этом со всеми в добрых отношениях, быть на хорошем счету у всех, — это, думается мне, задача невыполнимая, это лишает критику ее самостоятельности, принципиальности.

Случается порой, критические страсти кипят весьма бурно. Дело в том, что наши критики, как правило, группируются вокруг определенных газет и журналов — есть «знаменские» критики, есть «новомирские», есть «октябристские».

Между прочим, эта система хоть и логична в своем роде, но сильно тормозит развитие критики. Тот или иной орган печати имеет своих любимцев и своих недругов в литературе, и, таким образом, критику, работающему в данном печатном органе, уже заранее определено поле его деятельности, ему опять-таки трудно выявить до конца свой собственный почерк, свой вкус — он действует «в предложенных рамках». И нечего удивляться тому, что основная масса литературы, ее проблем проходит не замеченной критиками.

Работа современного литературного критика не только очень затруднена перечисленными и подобными им условностями — она, эта работа, и драматична, и не случайно в критике, как и в танцевальных ансамблях, люди стараются долго не задерживаться: видимо, и там и здесь чрезмерная нагрузка отрицательно сказывается на работе сердца.

А в принципе, нужна ли вообще литературная критика? Среди нашей писательской братии нет-нет да и прошумит известная цитата Льва Толстого о критике. Между прочим, коли уж зашла речь о прошлом веке, следует сказать, что критике того времени принадлежит огромная роль в формировании литературного вкуса, в

утверждении передовых жизнедеятельных литературных направлений, в том, что русская классика XIX века оказала такое большое влияние на развитие передовой общественной мысли.

В наше время, думается мне, литературная критика нужна как никогда. Принято почему-то считать, что дело писателя определено границами — создание и печатание своего труда, а до того, что следует после напечатания произведения, ему, мол, и дела нет. Похвалят — хорошо, не похвалят — тоже можно обойтись. Речь идет, однако, не о том, похвалят или нет. Печатание нового произведения равнозначно посеву. Ведь до сих пор ни один крестьянин еще не сеял только ради сева как такового. Тому, кто сеял, чрезвычайно важно знать: что, сколько, в какие сроки вырастет на его ниве. На литературной ниве, по-моему, литературный критик должен определить, хорош ли получился урожай, позаботиться о будущих посевах, их плодотворном росте.

г. Кишинев

Мирза ИБРАГИМОВ

Голос совести и долга — так мне хочется определить задачи и назначение критики.

Трудно представить хоть одного думающего, мыслящего художника, который в глубине души не ощущал бы потребности в умном, требовательном и чутком критическом слове, не был убежден в великом значении критики для развития литературного творчества. Ведь критика — наш духовный помощник, наш друг, наш учитель. Разве не являются кладезем мудрости для писателя «Поэтика» Аристотеля, «Поэтическое искусство» Буало, «Парадокс об актере» Дидро, «Что такое обломовщина?» Добролюбова, «Мильон терзаний» Гончарова, статьи Белинского, М.-Ф. Ахундова, Горького? Критические труды великих писателей прошлого увлекают, творчески обогащают нас так же, как их лучшие художественные творения.

Советская литературная критика также имеет глубоко содержательные работы, написанные с позиции коммунистической партийности. Становление и бурное развитие, наряду с художественным творчеством, литературной критики в национальных республиках демонстрируют могучий рост всей духовной культуры наших народов. Особенно активизировалась критическая мысль за последние годы. Критика более оперативно откликается на новые явления литературной жизни, повысился профессиональный ее уровень.

Особенности искусства социалистического реализма, история развития творческих методов, национальная специфика литератур разных народов — все эти важные проблемы изучаются ныне более основательно и научно аргументированно, чем прежде.

Но наряду с этим современная критика имеет и серьезные недостатки. В оценке произведений все еще встречаются субъективизм, вкусовщина, и это наносит немало вреда развитию художественного творчества.

Мне кажется, один из основных недостатков нашей критики — малое внимание к важнейшим вопросам художественной формы и проблемам мастерства. Во многих статьях вовсе не затрагиваются вопросы художественного качества произведений, их поэтические особенности. Вместо того чтобы показать, как раскрыты в них характеры, критик пересказывает содержание, известное всем, то есть в популярной форме излагает то, что хотел сказать писатель. В результате этого часто ошибочно квалифицируется даже жанр произведения, а об анализе компонентов художественной формы не идет даже речи. Например, пространное лирическое или публицистическое стихотворение называется поэмой, большой рассказ — повестью, произведение, содержания которого едва хватает на повесть, называется романом. Конечно, писатель, поэт волен по своему определять жанр своего произведения, именовать его поэмой или балладой, — это его право, часто эти обозначения жанра для автора чисто условны. Но литературная критика — наука, и она не имеет права позволять себе такой вольности: ее мерила, ее оценки должны быть логичны и строго научны. Писатель может полагать, что ценность его творения и его место в истории литературы зависит от количества страниц и что чем крупнее жанр, тем значительнее произведение. Если бы это было так, трудно было бы объяснить двухсотлетнюю жизнь небольшого «Племянника Рамо» Дидро, в то время как произведения, во много раз большие по объему, исчезли из памяти поколений.

Некоторые критики в Азербайджане не избежали ошибочного увлечения «монументальностью» и в оценке национальной классики. Например, они утверждают, что «Обманутые звезды» М.-Ф. Ахундова не повесть, а роман. Это произведение вошло в сокровищницу не только азербайджанской литературы, оно оказало влияние на развитие прозы в Средней Азии, странах Ближнего Востока, но отсюда вовсе не следует, что надо называть его романом. «Обманутые звезды» — образец классической повести, написанной в высшей степени лаконично. В развитии сюжета, в раскрытии характеров, в каждой строке этого произведения соблюдены законы повести, а не романа. Конечно, материал, идея, мысли, вложенные в повесть М.-Ф. Ахундова, иному писателю послужили бы материалом для целого романа. Но Ахундов — величайший мастер, он сознательно избегал этого. Одно из главных качеств его реализма — лаконизм, стремление сосредоточить все внимание, все чувства читателя на основной идее произведения.

Наша литературная критика, повторяю, должна уделять большее внимание вопросам художественной формы и мастер-

ства. Однако литературную форму, ее взаимосвязи с содержанием необходимо анализировать с ясных и четких эстетических позиций. Анализировать с такой научной точностью и ясностью мысли, которая соответствовала бы высокой идейности, реализму и народности нашей литературы.

Эстетическая красота искусства, единство формы и содержания, конфликт, характеры, образы, художественный метод и стиль — все это вечно актуальные вопросы творчества. Критика должна пристально изучать их: это поможет нам в познании тайн мастерства, в создании ярких, эмоционально насыщенных произведений. А это наша конечная цель, — без художественности не может быть и идейности искусства. Ведь тусклыми образами, неглубокими характерами, штампованным языком невозможно создать жизненно убедительную картину сложных событий и человеческих чувств, невозможно раскрыть величие человека.

Слабо разработана у нас проблема художественной типизации. Появляется немало произведений, в которых нет живых типических характеров, в которых разобщенные хаотические картины жизни не связаны друг с другом. Натурализм всегда выражал бессилие художника, его рабство у фактов, как говорил Горький. Художественное обобщение, типизация имеют решающее значение в творчестве.

Советская литература — литература многонациональная, многожанровая, богатая творческими индивидуальностями. В ней происходит живой и сложный процесс художественного освоения жизни народа, жизни века. Зорко и чутко следить за этим процессом, вовремя замечать все новое, красивое и яркое, анализировать причины заблуждений и неудач — вот задача критики. Критика не должна допускать субъективизма в оценке явлений литературы. Она — высокий судья и всегда должна нести правду.

Я надеюсь, что на нашем всесоюзном писательском форуме будет уделено самое пристальное внимание литературной критике как органической и важной части великой литературы социалистического реализма.

г. Баку

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Наша литература переживает период бурного подъема. Каждый из нас без труда может назвать произведение, появившееся за последние годы и снискавшее широкий круг читателей. Активнее, целеустремленнее и деловитее стала наша литературная критика, вносящая свою лепту в общий художественный процесс. Убежден, что критика должна постоянно сопоставлять литературу с действительностью, то есть заниматься тем, чем постоянно

занимались критики — революционные демократы Белинский, Добролюбов и Чернышевский. Они оставили нам драгоценное эстетическое наследие, и наша марксистско-ленинская эстетика всегда брала труды революционных демократов на вооружение.

Меня радует, что в последние годы стало больше выходить в свет критических работ. Теперь уже не только в Москве, Ленинграде и в союзных республиках появляются литературные и эстетические исследования. География, если можно так выразиться, критики необычайно расширилась. Можно назвать имена критиков, которые живут, как говорится, «далеко от Москвы», но их работы пользуются общесоюзной известностью. Дело не только в количественном росте исследований. Критики стали мыслить более масштабными категориями, стали смелее и самостоятельнее обобщать процессы, происходящие в искусстве. Здесь мне хочется употребить хорошее слово — интеллигентность. Наша критика стала интеллигентнее, критик выступает перед читателями и писателями духовно вооруженным, знающим законы искусства, умеющим произнести свое собственное слово о произведении. Почему это происходит? Вся среда, вся общественная атмосфера нашего времени способствует этому. Я считаю, что в литературе, в том числе и в критике, пришла пора сбора плодов. Если раньше критик нередко уподоблялся человеку, который вытаскивает из земли за вершину дерево, только еще начавшее подрастать, то теперь положение изменилось. Плоды созрели, и мы сами их собираем.

Характерное явление последних лет: свой эстетический опыт осмысливают поэты и прозаики. Отсюда появление книг-раздумий о своем творческом опыте, попытки исследовать то, что происходит у друзей-современников, интерес к их мастерству и творческой лаборатории. Читатели с интересом, например, встречают статьи о поэзии, написанные поэтом Сергеем Наровчатовым. Я считаю этот успех вполне естественным и закономерным и сам с удовольствием читаю его статьи о стихах. Конечно, в них иногда можно уловить полемические преувеличения, но видно, что пишет человек, великолепно чувствующий слово, знающий предмет, о котором идет речь. Много, настойчиво и плодотворно работает критик Александр Макаров. В его статьях привлекает умение сочетать анализ современного состояния литературы с историческим мышлением, критик выступает перед читателями во всеоружии эстетических знаний и привязанностей. Когда в журнале «Знамя» была опубликована статья А. Макарова о поэме Е. Евтушенко «Братская ГЭС», то редакция получила большое число откликов, говорящих о том, что критик сумел найти тон разговора и верные эстетические и социальные оценки произведения, вызвавшего большие споры.

Моя главная тема — современность. Как писатель, я все силы отдаю познанию современной действительности. Конечно, знания о жизни можно почерпнуть, только вращаясь в людской гуще, на-